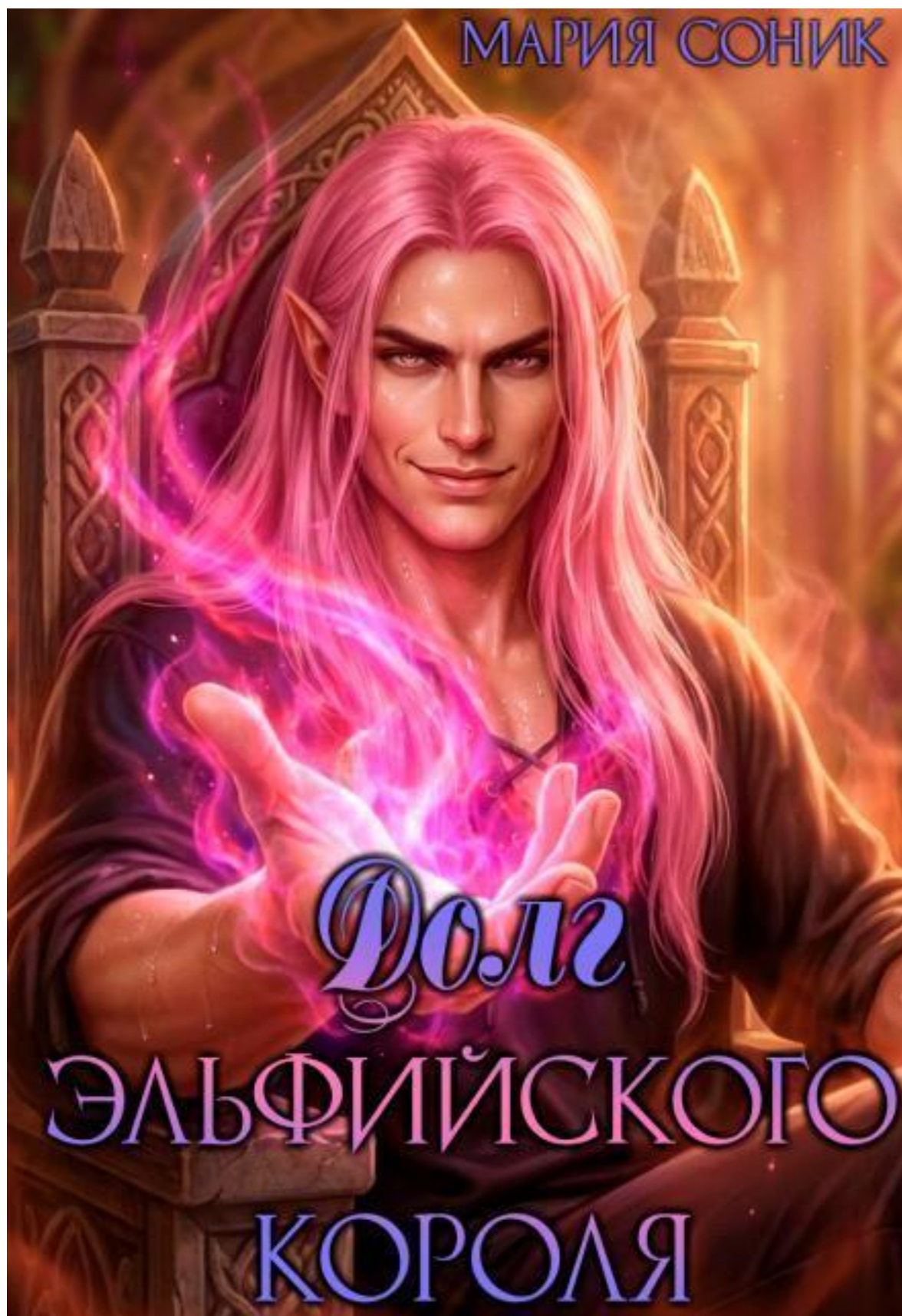

МАРИЯ СОНИК

Долг
ЭЛЬФИЙСКОГО
КОРОЛЯ

Мария Соник

Долг эльфийского короля

«Литнет»

2026

Соник М.

Долг эльфийского короля / М. Соник — «Литнет», 2026

Меня отправили в эти проклятые леса улаживать конфликт, а не торговать собой. Я была готова ко всему: к высокомерию, к магии, даже к угрозам. Но не к нему. Он выглядит так, как будто сошёл с запретной гравюры — совершенный, холодный и порочно красивый. А его предложение... Оно сбilo меня с ног. — Я подумаю о мире, — сказал он, и его голос обжёг кожу, — если ты поделишь со мной ложе. Это ловушка. Яснее не придумаешь. Но отказ может означать войну. А его взгляд... этот смесЬ презрения и голода, который заставляет кровь бежать быстрее. Я ненавижу его. Но что, если одна ночь — это цена, которую я должна заплатить? И что страшнее — потерять королевство или потерять себя в его объятиях? Я вступила в игру, где ставка — моё тело, а правила пишет он. Поддержите книгу лайками и комментариями! Добавьте её в свою библиотеку. Подписывайтесь на автора!

МАРИНЯ СОНИК

Содержание

Глава 1: Ядовитый приём	5
Глава 2: Непристойное предложение	8
Глава 3: Ночь по контракту	12
Глава 4: Узник роскоши	16
Глава 5: Искра в темноте	19
Глава 6.1: Враги при дворе	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава 1: Ядовитый приём

Лес встретил нас не шелестом листьев, а гнетущей тишиной. Воздух, густой от запаха вековой хвои и цветов, которым не было названия на человеческом языке, давил на грудь. Моя небольшая свита — три придворных дамы для приличия и двое старых дипломатов, отцовского возраста — нервно перешёптывалась позади. Мы ехали по тропе, которую эльфы называли «дорогой смирения». Она была достаточно широкой для двух всадников, но нависающие ветви заставляли нас низко склонять головы. Я сжала поводья до побеления костяшек. Унижение начиналось уже здесь, на подступах к его чертогам.

Миссия была простой и невозможной: убедить Верховного Лорда эльфов Кэлана не разрывать древний Пакт о границах. Наши рудники слишком глубоко вгрызлись в склоны Сияющих Гор, которые они считали священными. Мы предлагали золото, знания, политические союзы. Отец, король, был уверен, что эльфы, эти холодные, надменные создания, будут торговаться. Но слухи о Кэлане, доходившие до нашего двора, рисовали портрет не рационального правителя, а капризного, жестокого божества, уставшего от бесконечной жизни.

Лес расступился.

Мы оказались на краю чаши гигантской долины, и у меня перехватило дыхание. Не от красоты, а от устрашающего величия. Белые башни, казалось, вырастали прямо из живых деревьев, переплетались с ними, а мосты из серебристого паутинного материала соединяли их на головокружительной высоте. Это была не архитектура, а природная аномалия, доведённая до совершенства. Ни единого намёка на грязь, бедность, суету. Смертная тоска сковала мне сердце. Как можно торговаться с теми, кто живёт в вечной, непорочной сказке?

Нас встретили у врат, которые выглядели как сплетённые лозы. Ни стражи, ни трубачей. Трое эльфов в простых, но безупречных серых одеждах.

— Посол Алерия фон Даркель, — представилась я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — С позволения Его Сиятельства, Лорда Кэлана.

Старший из них, мужчина с лицом неподвижным, как маска из слоновой кости, скользнул взглядом по мне, по моей скромной парчовой одежде, по людям за моей спиной. Его глаза, цвета весенней листвы, не выразили ничего.

— Его Сиятельство ожидает. Только вас.

Мои дамы ахнули. Старый дипломат, лорд Верн, выступил вперёд.

— Это неприемлемо! Посол королевства Людена не может...

— Может, — холодно перебил эльф. — Или может вернуться той же дорогой. Выбор невелик.

Я положила руку на руку лорда Верна, чувствуя, как дрожат его старческие пальцы.

— Всё в порядке. Я приму аудиенцию одна. Это, видимо, их обычай.

Я молилась, чтобы это прозвучало как достоинство, а не как капитуляция.

Меня провели по бесконечным, сияющим коридорам. Полы были из тёплого, золотистого дерева, стены казались сотканными из света и живых побегов. Эльфы, встречавшиеся по пути, смотрели сквозь меня. Я была для них пустым местом, пятном, нарушающим гармонию их мира. Жар унижения начал разливаться под кожей, сменяя начальный холод.

Величественные двери из тёмного, полированного дерева, в которое были вплетены серебряные нити, звёзды, бесшумно раздвинулись.

Тронный зал был не огромным, а... безграничным. Одна стена вовсе отсутствовала, открывая головокружительный вид на долину и водопад, низвергавшийся с высоты в облачную бездну. Воздух звенел от шума воды и далёкого пения невидимых птиц. В центре, на возвышении, стоял не трон, а нечто вроде живого кресла из корней могучего дерева. И в нём...

Мой разум на секунду отказался обрабатывать увиденное.

Я ожидала холодной, древней красоты. Бесстрастного лика, как на старых фресках. Я не была готова к этому.

Кэлан.

Он не смотрел на меня, изучая свиток в своих длинных пальцах. Сначала я восприняла его частями, потому что целое было ослепительно.

Волосы цвета цветущей сакуры, были собраны в сложный, небрежный узел, из которого выбивались пряди, касаясь острых кончиков ушей и высоких скул. Черты лица — будто высеченные из мрамора мастером, одержимым идеей совершенства: высокий лоб, прямой нос, полные, резко очерченные губы. Он был облачён не в парчу и золото, а в нечто струящееся, тёмно-зелёное, почти чёрное, что облегал его тело с вызывающей откровенностью. Оно подчёркивало широкие плечи, узкую талию, длинные, мускулистые ноги, протянутые вперёд.

Но главное — была аура. Мощь, исходившая от него, была почти физическим давлением. Это была не магия, которой пугали няньки в сказках. Это была власть. Древняя, утомлённая, абсолютная.

Он медленно поднял глаза.

И мир перевернулся.

Его глаза не были зелёными, как у его подданных. Они были цвета расплавленного золота, пронизанного тёмными искрами. В них не было ни любопытства, ни гнева, ни интереса. Был лишь холодный, аналитический взгляд, которым осматривают нежеланный, но любопытный предмет.

Я заставила себя сделать шаг вперёд, подавив дрожь в коленях.

— Ваше Сиятельство. Я — Алерия фон Даркель, посол короля Людена. Благодарю за...

— Знаю, кто ты, — перебил он. Голос был низким, бархатным, как шорох шёлка по голой коже. Он отложил свиток. — Ты привезла мне слова своего отца. Скучные, полные лжи и человеческого высокомерия слова. Ты потратила пять дней в пути, чтобы произнести их.

Он поднялся. Он был высоким, намного выше любого мужчины в моём королевстве. Он сошёл с возвышения, и его движения были зверино-грациозными, бесшумными. Я почувствовала инстинктивный позыв отступить, но вцепилась каблуками в пол.

— Мы предлагаем щедрую компенсацию за неудобства, — начала я заученную речь, глядя куда-то в область его груди. Смотреть в эти глаза было невыносимо. — Расширение торговых путей, долю в добыче редких руд, которые...

— Мне не нужны твои руды, — он остановился в двух шагах от меня. Я почувствовала его запах — снег на кедре, холодная пряность, что-то неуловимо опасное. — Мне не нужно твоё золото. Ваш шум, ваша вонь, ваша жадность нарушают песню этих гор уже триста лет. Я устал от этого.

Его слова были как пощечины.

— Тогда что вам нужно? — вырвалось у меня, и я услышала, как в моём голосе задрожала ярость. — Чего вы хотите в обмен на мир?

Он медленно обошёл меня кругом. Я чувствовала его взгляд на затылке, на линии плеч, на талии, стянутой корсетом. Это был не взгляд мужчины на женщину. Это была оценка. Как оценивают коня или клинок.

Он остановился снова передо мной, слишком близко. Теперь я была вынуждена поднять голову, чтобы встретиться с его глазами.

— Ты, — тихо сказал он.

Мозг отказался понимать.

— Я... не понимаю.

— Всё предельно просто, маленькая человечиха, — в его голосе прозвучала ядовитая, усталая усмешка. — Твои слова мне неинтересны. Твои дары — оскорбительны. Но ты... ты можешь быть... любопытной диковиной.

Он протянул руку, и длинный палец в холодном серебряном кольце коснулся моей щеки. Прикосновение обожгло, как удар током. Я отпрянула, сердце забилося где-то в горле.

— Что вы себе позволяете?!

— Всё, что захочу, — палец повис в воздухе. Его золотые глаза сузились. — Вот моё условие. Ты остаёшься здесь. В моих покоях. На моих условиях. И я... подумаю о том, чтобы не стереть ваши шахты с лица горы вместе с теми, кто в них копошится.

Ужас и бешенство слились внутри в ядерную смесь.

— Вы предлагаете мне стать вашей наложницей? В обмен на мир? — прошипела я. Каждое слово обжигало губы.

— Я предлагаю тебе единственную ценность, которую ты, возможно, представляешь, — отрезал он. Его взгляд скользнул вниз по моему телу, медленно, намеренно, и под этим взглядом ткань платья словно испарялась. Я почувствовала себя абсолютно обнажённой, униженной. — Ты не будешь наложницей. Ты будешь игрушкой. На время, пока мне не наскучишь. Возможно, неделя. Возможно, месяц. А затем, если ты будешь достаточно усердна и... изобретательна... мы поговорим о твоих шахтах.

«Условия». «Игрушка». Слова висели в воздухе, отравляя его.

— Я посол королевства! Дочь короля!

— Здесь ты никто, — голос его стал ледяным и абсолютно плоским. — Выбор за тобой. Соглашайся. Или садись на свою лошадь и вези своей короткоживущей расе весть о войне, которую вы не переживёте.

Он повернулся и снова пошёл к своему трону из корней, словно закрывая разговор. Его спина, прямая и неприступная, была оскорблением сама по себе.

Я стояла, парализованная. Воздух, пахнувший цветами и водопадом, стал пахнуть тюрьмой. Вид на бескрайние леса — решёткой. А его фигура на фоне этого безумного великолепия — моим тюремщиком, палачом и... хозяином.

Мысль об отказе, о гордом уходе, была сладкой и смертельной. Но за ней вставал образ отца, сестёр, шахтёров в долинах, которые даже не знали, что их судьба решается здесь и сейчас в обмен на... на моё тело.

Жаркая волна стыда накрыла меня с головой. Но под ней, в самой глубине, к собственному ужасу, я ощутила что-то ещё. Острый, запретный, порочный укол... любопытства. Что скрывается за этой маской холодного презрения? Каков он, этот древний, прекрасный монстр, без одежды, без власти, в моменте слабости?

Я ненавидела его. Ненавидела себя за эту мысль. Но долг, вбитый в меня с детства, был сильнее.

Я сделала шаг вперёд. Голос, когда я заговорила, был чужим, низким и хриплым от сдерживаемых эмоций.

— Хорошо.

Он не обернулся. Но я увидела, как напряглись мышцы его спины под тонкой тканью.

— Умная девочка, — прозвучало тихо, без одобрения. Констатация факта. — Тебя проводят в твои комнаты. Отдыхай. Вечером за тобой придут.

Он снова взял свиток, давая понять, что аудиенция окончена. Я превратилась из посла в собственность в течение десяти минут.

Меня вывели из зала тем же безликим эльфом. Когда тяжелые двери закрылись за моей спиной, отрезая вид на водопад и его одинокую фигуру, по моей спине пробежал ледяной пот. Но внизу живота тлел тот самый предательский, стыдный жар. Страх и отвращение смешались с чем-то тёмным и опасным.

Игра началась. И первая партия была безоговорочно проиграна.

Глава 2: Непристойное предложение

Меня привели не в покои, а в клетку. Прекраснейшую клетку, какую только можно вообразить.

Комната была круглой, с цельной стеной из какого-то прозрачного, но не стеклянного материала, открывавшей панораму на долину и тот самый водопад. Сейчас он был подсвечен заходящим солнцем в розовых и золотых тонах. Внутри царил прохлада, пахло влажным мхом и горными травами. Была огромная кровать, утопавшая в полупрозрачных шелковых пологих цвета лунной пыли, низкий стол из коряги, несколько томов в кожаном переплёте на полке и дверь, ведущая, как я предположила, в купальню. Ни замков, ни решёток на окне. В них не было нужды. Бежать отсюда было равносильно самоубийству — либо от падения, либо от его гнева.

Меня оставили одну. Тишина, нарушаемая только отдалённым рокотом воды, давила на уши громче любых криков. Я сбросила дорожный плащ, потом, с яростными рывками, принялась расшнуровывать корсет. Парчовое платье, символ моего статуса, вдруг стало мне ненавистно. Я скинула его на пол, осталась в тонкой льняной сорочке. Воздух коснулся кожи мурашками.

«Игрушка».

Слово жужжало в висках, как злая оса. Я подошла к прозрачной стене, прижала ладони к прохладной поверхности. Где-то там, внизу, кипела жизнь эльфийского города. А я была здесь, подвешенная между небом и бездной, купленная как диковинка.

Принесли ужин — изысканные фрукты, хлеб, похожий на облако, кувшин с водой, отдававшей мёдом и мятой. Я не притронулась. Желудок сжимался в тугий узел от унижения. Вместо этого я обнаружила в одной из книг на полке знакомые буквы — это был том человеческой поэзии, старинный, с пожелтевшими страницами. Ирония была настолько тонкой и ядовитой, что я чуть не рассмеялась. Он позаботился о досуге своей будущей наложницы.

Смеркалось. Долину поглотили синие сумерки, звёзды зажглись одна за другой — огромные, яркие, будто висающие в паре локтей от окна. Я не зажигала светильников, сидя на полу, обхватив колени, и наблюдала, как тень моей комнаты медленно ползёт по стене.

Он не приходил.

Напряжение, с которым я ждала каждое движение за дверью, начало сменяться странным, измождённым облегчением. Может, он передумал? Может, это была лишь проверка, изощрённая попытка ожиданием?

Но когда ночь окончательно вступила в свои права, дверь открылась бесшумно.

Он вошёл без стука. Один. В его руках не было свитков, оружия, ничего. Он был одет в простые тёмные штаны и свободную рубашку из тончайшего льна, расстёгнутую на пару пуговиц у горла. Босой. В свете звёзд, лившемся с неба, он казался не правителем, а духом этих лесов — диким, неподвластным, пугающе реальным.

Я вскочила на ноги, сердце тут же заколотилось в паническом ритме. Инстинкт велел отступить, спрятаться за кровать. Я вцепилась в край сорочки, заставляя себя стоять на месте.

Он медленно осмотрел комнату, его золотые глаза скользнули по нетронутой пище, по сброшенному на пол платью, по моей фигуре в тонкой ткани, сквозь которую угадывалось всё. Взгляд был тяжёлым, осязаемым.

— Ты не ела, — констатировал он. Голос в тишине комнаты звучал иначе — глубже, без публичной холодности. В нём слышалось раздражение.

— Не была голодна.

— Глупость. Тебе понадобятся силы.

От этих слов по коже пробежал ледяной трепет. Он сделал несколько шагов вглубь комнаты, и пространство вдруг съёжилось. Я почувствовала его тепло, его запах — теперь более тёплый, древесный, с оттенком дыма.

— Зачем вы пришли? — сорвалось у меня. — Чтобы... чтобы начать сразу?

Мой тон был вызывающим, но внутри всё сжалось в комок страха.

Он остановился в двух шагах, рассматривая меня с таким видом, будто я говорила на неизвестном наречии.

— «Начать», — повторил он, и уголок его рта дрогнул — не улыбка, а скорее гримаса презрения. — Ты думаешь, я пришёл, чтобы бросить тебя на кровать и утолить похоть, как это делают твои грубые человеческие самцы?

Его слова были ударом. Я покраснела от ярости и стыда.

— А что же ещё? Вы ведь купили меня для этого!

— Я предложил сделку, — поправил он мягко, смертельно мягко. — А ты согласилась. Поэтому сейчас мы обсудим условия.

Он подошёл к столу, отодвинул кувшин и сел на край, закинув одну ногу на другую. Поза была непринуждённой, но в ней чувствовалась скрытая мощь, готовность в любой миг сорваться с места.

— Подойди.

Приказ. Простой и не терпящий возражений. Ноги, будто налитые свинцом, повиновались. Я остановилась перед ним, вынужденная смотреть сверху вниз. Это не давало преимущества — он всё равно доминировал, даже сидя.

— Первое, — начал он, глядя не в мои глаза, а куда-то в область шеи. Его взгляд был тяжёлым, изучающим. — Никаких «Ваше Сиятельство» в этих стенах. Здесь я — Кэлан. Ты будешь обращаться ко мне по имени. Это не привилегия, а необходимость. Я не намерен заниматься любовью с титулом.

Слово «любовь» в его устах прозвучало так кощунственно, что я вздрогнула.

— Это не будет любовью.

— Нет, — согласился он. — Это будет секс. Чистый, лишённый сантиментов обмен. Ты — услуга. Я — оплата в виде отсрочки войны. Запомни это.

Каждое слово било по самолюбию, добивало остатки иллюзий.

— Второе. Твоё тело принадлежит мне на время действия нашего соглашения. Я буду прикасаться к нему, когда захочу, и как захочу. Ты не имеешь права отказывать, уклоняться или проявлять пассивность. Безразличие — оскорбительно. Соппротивление — наказуемо.

Он протянул руку и кончиками пальцев коснулся моей кисти, лежавшей на боку. Прикосновение было лёгким, но от него по всему телу пробежал разряд. Я не отдернула руку. Не смогла. Это был шок — не от боли, а от простоты, с которой он заявлял свои права.

— Ты будешь отвечать мне. Ты будешь участвовать. Всячески. Поняла?

Я кивнула, с трудом проглотив ком в горле.

— Третье. Ты не выйдешь из этих покоев без моего позволения. Ты не будешь искать общения с другими. Ты — моя вещь, Алерия. Частная собственность. И я не люблю, когда мои вещи трогают чужие руки.

Он снова коснулся меня, на этот раз проведя тыльной стороной пальцев по моей щеке. Кожа под его прикосновением горела. Я зажмурилась.

— Открой глаза, — тихо приказал он. — Смотри на меня.

Я повиновалась. Его лицо было так близко. В полумраке золото глаз светилось собственным, тёплым светом. Я увидела в них не только холод. Увидела любопытство. Интерес хищника к новой, незнакомой добыче. И что-то ещё... Голод. Древний, нечеловеческий, пугающий голод.

— Зачем вам это? — прошептала я, и голос мой дрогнул. — Вы... вы могли бы иметь кого угодно. Среди своих.

— «Свои» надоели, — отрезал он, и его пальцы переместились к моей шее, скользнули по ключице. — Тысячелетиями. Ты — новое. Ты пахнешь страхом, гневом и... жизнью. Грубой, скоротечной, пылающей жизнью. Это интересно. Пока не надоест.

Его рука опустилась ниже, скользнула по ткани моей сорочки, обрисовывая контур груди. Я затаила дыхание. Тело взбунтовалось: сердце колотилось, в животе ёкнуло, между ног пробежала предательская волна тепла. Ненавижу. Ненавижу его. Ненавижу себя за эту реакцию.

— Четвёртое, и самое важное, — он наклонился ко мне, и его губы почти коснулись моего уха. Дыхание было горячим, голос — низким, вибрация от него отдалась где-то в самом основании позвоночника. — Ты получишь удовольствие. Я потребую твоего наслаждения. Я буду следить за каждым тремором, за каждым вздохом, за каждым стоном. Фальшь я почувствую. И накажу. Твоё тело будет говорить мне правду, даже если твой язык будет лгать. Поняла?

Я не могла ответить. Горло пересохло. Он отстранился, снова оценивая эффект своих слов. Его рука лежала на моей талии, большой палец водил по ребру, почти касаясь нижней кривой груди.

— С сегодняшнего вечера, — продолжал он, и его тон снова стал деловым, — у нас будет ритуал. Я буду приходить. Ты будешь готова. Чистая. Без этой, — он дернул за ткань сорочки, — или в чём-то, что я сочту подходящим. Ты будешь ждать меня здесь. Или в купальне. Или на кровати. Но ты будешь ждать. Это твоя единственная обязанность, пока ты здесь.

Он замолчал, давая мне прочувствовать всю тяжесть этих «обязанностей». Его пальцы начали медленно расстёгивать пуговицы на моей сорочке, одну за другой. Я стояла, окаменев, наблюдая, как его тонкие, умелые пальцы обнажают мою кожу. Холодный воздух коснулся живота, затем груди. Сорочка распахнулась, но он не стащил её, лишь откинул полы в стороны.

Я стояла перед ним обнажённой до пояса. Звёздный свет ласкал кожу, и я видела, как его взгляд, медленный и пристрастный, скользит по ней, изучая каждую родинку, каждую тень. Стыд полыхнул во мне жарким пламенем, но под ним, глубже, копошилось что-то тёмное и пленённое.

— Неплохо, — пробормотал он, больше для себя. — Хрупко. Но не лишено... потенциала.

Он наклонился и прикоснулся губами к точке у меня на плече, где бился пульс. Поцелуй был лёгким, почти невесомым, но от него всё внутри дрогнуло и сжалось. Его рука обвила мою талию, притягивая ближе. Я упёрлась ладонями в его грудь, чувствуя под тонким льном твёрдые мышцы и тепло. Он был невероятно силен.

— Сегодня — только знакомство, — прошептал он в мою кожу. — Проверка реакции. Но завтра... завтра мы начнём по-настоящему.

Он выпрямился. Его глаза пылали в полумраке. Рука на моей талии была железной. Взгляд упал на мои губы.

— Ты боишься, — констатировал он.

— Да, — выдохнула я, не в силах лгать.

— Хорошо. Страх — это начало. Но он не должен парализовать. Он должен... обострять. И затем он поцеловал меня.

Это не было поцелуем влюблённого или даже страстного поклонника. Это была демонстрация власти. Губы его были твёрдыми, требовательными. Он не просил — он брал. Захватывал мои губы, заставляя их открыться, и когда язык вторгся в мой рот, вкус его был ошеломляющим — пряным, холодным, как лесная клюква и металл. Я замерла, ошеломлённая. Потом инстинкт подсказал сопротивление — я попыталась оттолкнуть его, отстраниться. Он лишь глубже вдавил меня в себя, а его другая рука вцепилась мне в волосы у затылка, удерживая голову.

Поцелуй был долгим, исследующим, унизительно откровенным. Он изучал мои реакции, мой вкус, мою слабость. И к моему ужасу, тело начало отзываться. Колени подкосились, в животе зажёгся тот самый предательский огонь, груди налились тяжестью. Я издала тихий, подавленный звук — не протеста, а чего-то другого.

Он отпустил меня так же внезапно, как и начал. Я шатнулась, едва удерживаясь на ногах. Губы горели, дыхание сбилось.

— Завтра, — повторил он, и в его голосе прозвучало удовлетворение. Он обошёл меня кругом, его пальцы скользнули по моей спине, по изгибу позвоночника, едва не касаясь ягодиц. — Будь готова.

Он направился к двери. На пороге обернулся. В свете, падающем из коридора, его профиль был резким, как удар клинка.

— И поешь, Алерия. Я сказал — силы понадобятся.

Дверь закрылась. Я осталась одна, полуобнажённая, с губами, всё ещё хранящими вкус его поцелуя, и с телом, которое предательски дрожало — не только от страха, но и от пробудившегося, запретного возбуждения. Условия были поставлены. Игра, страшная и порочная, началась. А я только что получила первое, унизительное доказательство того, что моё тело — уже не совсем моё.

Глава 3: Ночь по контракту

День тянулся вязкой, мучительной пыткой ожидания. Я искупалась, вода в мраморной купели была тёплой и пахла незнакомыми цветами. Я натянула сорочку — другого выбора у меня не было, если не считать моё скомканное на полу парадное платье. Я попыталась читать, но буквы плясали перед глазами, не складываясь в смысл. Каждый шорох за дверью заставлял сердце замирать.

Он приказал «быть готовой». К чему?

Я стояла у прозрачной стены, глядя, как день угасает, и пыталась внушить себе ненависть, холод, безразличие. Всё, что могло стать щитом. Но память о его поцелуе, о тяжести его рук на моей коже, возвращалась снова и снова, вызывая предательское сжатие внизу живота. Я ненавидела себя за эту слабость.

Когда солнце скрылось за горами и долину поглотила густая синева ночи, дверь открылась. Он вошёл без предупреждения, как и вчера. Но сегодня всё было иначе.

Он был облачён в простые чёрные штаны и снова в той же льняной рубашке, но на этот раз полностью расстёгнутой. Она свободно развевалась за ним, открывая торс, покрытый гладкой кожей и чётко очерченными мышцами. В руках он нёс небольшой серебряный кувшин и две чаши. Его волосы были распущены и падали волной на плечи, делая его ещё более диким, первобытным.

Я стояла посреди комнаты, как он и велел — «готовая». Сорочка моя была чистой, волосы высохли после купания. Я сжала кулаки, чтобы они не дрожали.

Он поставил кувшин и чаши на стол, его движения были спокойными, будничными.

— Выпьешь? — спросил он, не глядя на меня, наливая в чаши густую, тёмную жидкость.

— Что это?

— Настой. Расслабляет нервы. И обостряет ощущения.

Я покачала головой. Он пожал плечами, поднёс одну чашу к губам и отпил. Его горло работало, я невольно проследила взглядом за движением кадыка. Он поставил чашу и наконец обернулся ко мне. Его глаза в полумраке светились, как у крупного хищника.

— Подойди.

Я подчинилась. Он осмотрел меня с ног до головы — медленный, оценивающий взгляд.

— Сними это, — кивнул он на мою сорочку.

Здесь не было нежности, не было прелюдии. Это был приказ. Прямой и неприкрытый. Глотнув воздух, я потянула ткань через голову. Холодный ночной воздух обнял меня целиком, соски сразу же затвердели. Я стояла перед ним полностью обнажённая, пытаюсь укрыться хотя бы взглядом, но он смотрел прямо, не мигая. Мне казалось, я вся горю под этим взглядом.

— Ложись на кровать, — сказал он, и его голос был низким, без эмоций. — На спину.

Я повернулась и сделала несколько шагов к огромному ложу. Шёлковые простыни были холодными под кожей. Я легла, как он велел, глядя в тёмный полог над головой. Сердце колотилось так, что, казалось, его звук наполняет всю комнату.

Я слышала, как он снимает рубашку, лёгкий шорох ткани о кожу. Потом шаги. Он подошёл к кровати и остановился рядом, рассматривая меня. Я видела его периферийным зрением: голый торс, тёмную линию волос, спускающуюся в низ живота, где штаны всё ещё сидели на бёдрах.

— Раскинь руки в стороны, — приказал он. — И не сжимай ноги.

Это было невыносимо. Выставить себя так, полностью открытой... Но я вспомнила его условия. Пассивность — оскорбительна. Я медленно развела руки, почувствовав, как растягиваются мышцы груди. Развела бёдра, оставив самое интимное беззащитным перед его взором. Стыд обжёг меня изнутри.

Он сел на край кровати. Его пальцы коснулись моей щиколотки. Прикосновение было тёплым, твёрдым. Он провёл ладонью по моей икре, медленно, вверх, к колену, затем по внутренней стороне бедра. Мурашки бежали за его прикосновением, кожа буквально горела. Я закусил губу, чтобы не издать ни звука.

— Глаза на мне, Алерия, — тихо сказал он.

Я повернула голову и встретилась с его взглядом. Золотые глаза были тёмными, непроницаемыми. Его рука поднималась выше по внутренней поверхности бедра, неспешно, будто изучая рельеф. Я замерла, ожидая, когда он коснётся самого сокровенного. Но он остановился в сантиметре, его пальцы лишь обрисовывали теплом границу.

— Ты дрожишь, — констатировал он. — От страха или от ожидания?

— От холода, — солгала я, и голос звучал хрипло.

Он усмехнулся — коротко, без веселья.

— Лжешь. Но это нормально. Первый раз.

Его рука ушла, и я невольно выдохнула. Но это была лишь передышка. Он встал и медленно, с подчёркнутой театральностью, начал расстёгивать пояс штанов. Пряжка звякнула. Тёмная ткань соскользнула с его бёдер, и он сбросил её на пол.

Я не смогла отвести взгляд. Он был... совершенным. И пугающим. Мускулистым, длинным, готовым. Возбуждённым. Чувство паники сжало горло. Он был намного больше, чем любой мужчина, которого я видела — на картинах или мельком в купальнях. Это было нечеловеческое, почти гротескное великолепие.

Он вернулся на кровать, но теперь лег рядом со мной, опираясь на локоть. Его свободная рука снова легла на моё тело, но на этот раз выше — на живот. Ладонь была широкой, горячей. Он водил ею по моей коже, чуть выше лобка, круговыми движениями, то приближаясь, то отдаляясь.

— Я буду действовать медленно, — сказал он, и его губы оказались в сантиметре от моего уха. Дыхание обжигало. — Я изучаю твои реакции. Каждую. Расслабься. Борьба сделает только больно.

Расслабиться было невозможно. Каждый нерв в моём теле был натянут как струна. Но его рука на животе, его близость, его запах — всё это начинало делать своё дело. Паника медленно, против моей воли, начала смешиваться с чем-то другим. С любопытством. С тем самым острым, тёмным возбуждением, которое я так ненавидела в себе.

Его пальцы скользнули ниже, наконец коснувшись того места, где сходились мои бёдра. Я вздрогнула, издав короткий, сдавленный звук. Он не обратил внимания. Его прикосновения были лёгкими, исследующими. Он водил пальцами по складкам кожи, не вторгаясь, лишь намечая границы, пробуждая нервные окончания, о которых я и не подозревала.

— Видишь, — прошептал он, и я почувствовала, как его губы коснулись моего плеча, — тело уже отзывается. Оно честнее тебя.

Это была правда. Предательская влага уже смазывала его пальцы, когда он наконец коснулся самого чувствительного места. Я вскрикнула — тихо, от неожиданности. Ощущение было острым, почти болезненным от интенсивности. Он не останавливался, продолжая мягкие, круговые движения, изучая мою реакцию.

Я зажмурилась, пытаясь убежать в темноту за веками, но это не помогало. Ощущения только обострялись. Каждое движение его пальцев отзывалось горячей волной внизу живота. Дыхание сбилось, грудь тяжело вздымалась. Я пыталась думать о чём-то другом — о доме, о долге, — но мысли разбегались, оставляя только настоящее: его прикосновения, его вес рядом, нарастающий внутри меня жар.

— Открой глаза, — снова приказал он, и в голосе прозвучала твёрдость. — Смотри на меня.

Я повиновалась. Его лицо было так близко. В его глазах я увидела не похоть, а концентрацию. Он наблюдал. Фиксировал. Он был учёным, а я — его экспериментом.

Его пальцы углубились, один из них осторожно вошёл внутрь. Я замерла, почувствовав непривычное растяжение, лёгкий дискомфорт. Он остановился, давая мне привыкнуть, а затем начал медленные, размеренные движения. Одновременно его большой палец продолжал стимулировать ту самую чувствительную точку снаружи.

Это было... невыносимо. Противоречие разрывало меня на части. Разум кричал о протесте, о унижении. Но тело начинало отвечать, подстраиваясь под его ритм, сжимаясь вокруг его пальца, требуя большего. Из горла вырвался ещё один стон, на этот раз долгий и вибрирующий.

— Вот так, — одобрительно пробормотал он. Его губы коснулись моей шеи, затем опустились к груди. Он взял сосок в рот, и влажное, горячее прикосновение его языка стало последней каплей. Я выгнулась, впиваясь пальцами в простыни. Мир сузился до точек на моём теле, где он прикасался ко мне.

Он убрал пальцы. Я почувствовала пустоту и мгновенное, идиотское разочарование. Но он не заставил себя ждать. Он переместился между моих ног, его руки раздвинули мои бёдра шире. Я увидела его над собой — тёмного, могущественного, прекрасного в своей устрашающей силе.

— Это может причинить боль, — сказал он безжалостно честно. — Потерпи.

Всё во мне сжалось, когда он вошел. Не просто сопротивление — мое тело разрывало. Острая, жгучая боль вырвала из меня короткий, надломленный крик. Слезы хлынули сами, заливая виски. Он замер, вонзившись в самую глубину, и через пелену боли я увидела, как напряглись его челюсти, как вздулись вены на руках, сжимавших мои бедра. Весь он был — сдерживаемая сила, готовая сорваться.

— Дыши, — его голос был хриплым шепотом прямо у губ. — Глубоко.

Я пыталась глотать воздух. И боль, отступая, обнажила невыносимую полноту. Он заполнял всё, каждую складку, каждую частицу меня. Когда он двинулся — медленно, почти с жесточайшей нежностью — эта полнота зашевелилась, превратившись во что-то плотное, жгучее и неизбежное. Каждое движение задевало что-то сокровенное, заставляя внутренности сжиматься в спазмическом трепете.

Ритм его был неумолим, как удар метронома. Твердые, глубокие толчки, вытесняющие из меня воздух и мысли. Его пальцы впивались в мою кожу, оставляя отметины. А взгляд... Его взгляд пожирал меня. Он ловил каждую судорогу на моем лице, каждую слезу, каждый прерывистый выдох, превращающийся в стон. Я перестала сдерживать звуки. Они вырывались хрипыми, влажными: «Ах... о боже...» — бессвязная мольба, от которой самой было стыдно и жарко.

Внутри меня копилось напряжение. С каждым движением оно росло, становилось тугим, болезненно-сладким узлом где-то в самом низу живота. Мыслей не осталось. Осталось только грубое трение тел, хлопки кожи о кожу, его тяжелое дыхание в ухо, соленый вкус его пота на моих губах. И его запах — дымный, мужской, животный — он стал единственным воздухом.

— Вот так... — его шепот прозвучал как приговор, и ритм изменился. Он стал резче, яростнее, точнее. Боль снова мелькнула где-то на грани, но её тут же поглотила накатывающая волна чего-то такого острого, что я выгнулась, впиваясь ногтями ему в спину.

И тогда он коснулся того места — влажного, воспаленного, невыносимо чувствительного. Один точный, уверенный круг пальцем. Мое сознание взорвалось. Белая, ослепительная вспышка прокатилась по всему телу, выворачивая изнутри. Я закричала, не узнавая свой голос, чувствуя, как всё внутри сжимается в бесконечной, пульсирующей судороге, выжимая из него последние капли здравого смысла.

Он выдержал всего несколько последующих, сильных, конвульсивных толчков, пронзая меня в самой глубине. Его тело вдруг окаменело, из горла вырвался хриплый, сдавленный стон,

и я почувствовала, как из него выплескивается горячий, жидкий поток, наполняя меня пульсирующим теплом. Он обрушился всем весом на меня, тяжелый, влажный, дышащий в такт бешено колотящемуся сердцу. А внутри всё еще тихо пульсировало, напоминая о только что пережитом опустошении.

Тишина. Только наше прерывистое дыхание. Он лежал на мне, и его вес прижимал меня к матрасу. Я чувствовала каждое биение его сердца, каждый вздрагивающий мускул.

Постепенно он пришёл в себя. Он поднялся на локти, отстранился, и его член вышел из меня. Я почувствовала пустоту и странную, липкую влагу между бёдер. Он сошёл с кровати, его движения снова стали ловкими, без намёка на усталость. Он подошёл к столу, налил воды из кувшина в чашу и выпил залпом.

Я лежала неподвижно. Физическое наслаждение, дикое и неожиданное, уже отступало, оставляя после себя холодный, грязный осадок. Я только что кончила в руках того, кто купил меня, как вещь. Кто использовал моё тело для своего удовольствия. И моё тело... ответило ему. Предало меня.

Он вернулся к кровати, смочил угол простыни в оставшейся воде и протянул его мне.

— Протрись.

Его тон был безразличным, будто он говорил со слугой. Я взяла ткань и машинально провела между ног. На светлой ткани остался розоватый след. От боли. Или от чего-то ещё.

Он начал одеваться. Я наблюдала, как он натягивает штаны, как его руки застёгивают пряжку пояса.

— Завтра я приду раньше, — сказал он, не глядя на меня. — Не ужинай. Мы поедем вместе.

Он взял свою рубашку, но не стал надевать, просто перекинул через плечо. На пороге он обернулся. Его взгляд скользнул по моему растерзанному телу на кровати, и в его глазах мелькнуло что-то — не удовлетворение, а... оценка.

— Ты справилась. На троечку.

И он ушёл.

Я осталась одна. Запах его кожи, его семени, моего собственного возбуждения витал в воздухе. Тело ныло приятной усталостью, но душа была опустошена, осквернена. Я свернулась калачиком на простынях, всё ещё хранящих тепло наших тел, и наконец позволила слёзам течь. Они были горькими, полными стыда, унижения и пугающего осознания: первая ночь по контракту закончилась. И что-то во мне было сломано безвозвратно. Но что-то другое — что-то тёмное, порочное, голодное — только что проснулось. И это было страшнее всего.

Глава 4: Узник роскоши

Я проснулась от шороха за дверью. Солнечный свет, яркий и безжалостный, резал глаза. Первое, что я осознала — это боль. Нежная, глубокая ломота в мышцах бёдер, непривычная чувствительность между ног, сладковатая боль в сосках. Воспоминания ворвались сонной водой — его руки, его вес, его низкий голос, и то дикое, всепоглощающее наслаждение, что вырвалось у меня из-под контроля. Жаркий стыд залил лицо.

Дверь открылась, но вошла не его высокая фигура, а две эльфийки. Обе были одеты в простые серебристые платья, их лица были прекрасны и абсолютно бесстрастны. Они несли подносы — с едой, с кувшинами, со сложенными тканями.

— Его Сиятельство приказал обеспечить тебя всем необходимым, — сказала одна из них, старшая. Её голос был мелодичным и пустым, как звон хрусталя. — Умывайся, ешь.

Они поставили подносы на стол, сложили одежду на стул у кровати и вышли так же тихо, как и вошли. Они не смотрели на меня, не задавали вопросов, не проявляли ни малейшего любопытства. Я была не человеком, а предметом обстановки в покоях их повелителя.

Я встала, чувствуя, как ноет каждая мышца. Простыни были испачканы — следами крови, семени, пота. Свидетельства моей «успешной» первой ночи. Я поспешно натянула сорочку и подошла к столу.

Еда была изысканной: ягоды, похожие на рубины, воздушные булочки, что-то вроде йогурта с орехами. Но на губах всё ещё стоял вкус его поцелуя, и смотреть на еду было противно. Я сделала несколько глотков воды и подошла к купели. Вода уже была налита, тёплая и ароматная. Я сбросила сорочку и погрузилась в неё, стараясь смыть с кожи его запах, его прикосновения, но они, казалось, въелись в самую плоть.

Одежда, которую они оставили, не была моей. Это были лёгкие, почти прозрачные шёлковые одеяния эльфийского покроя — свободные штаны, закреплённые на бёдрах шнурком, и накидка, которая скорее подчёркивала, чем скрывала тело. Я натянула их. Ткань была непривычно мягкой, скользящей по коже. Я чувствовала себя переодетой куклой.

День тянулся бесконечно. Я пыталась читать те самые книги с полки. Среди поэзии нашёлся том по истории эльфийских кланов — сухой, напыщенный, но я вцепилась в него, как в спасательный круг. Хотя что-то, кроме моих собственных мыслей. Я узнала имя Кэлана в контексте «Верховного Лорда Древнего Дома Аэлиров, Хранителя Восточных Лесов». Ему приписывали невероятную магическую силу, дипломатическую хитрость и... беспощадность к врагам. Слово «человек» упоминалось редко и всегда с оттенком брезгливости.

Я подошла к прозрачной стене. Внизу, в лучах солнца, жизнь эльфийского города текла своей неспешной, прекрасной жизнью. Я видела, как они двигаются с грациозной медлительностью, как переговариваются, не повышая голоса. Никакой суеты, никаких видимых конфликтов. Идеальный муравейник. А я была чужим насекомым, запертым в стеклянной банке на самой вершине.

К полудню пришла одна из эльфиек, чтобы забрать подносы. Она скользнула взглядом по нетронутой пище, по мне в эльфийских одеждах, и её бровь дрогнула на миллиметр. Единственный признак эмоции.

— Его Сиятельство не будет доволен, если ты не будешь есть.

— Скажите Его Сиятельству, что у его «игрушки» нет аппетита, — выпалила я, и тут же пожалела.

Глаза эльфийки сузились, но она лишь молча собрала подносы и ушла. Я поняла свою ошибку. Я позволила себе эмоции. Показала слабость. Здесь, в этой клетке, даже слуги были частью системы наблюдения.

Я заставила себя съесть несколько ягод. Они были сладкими и оставляли горькое послевкусие.

Вечером он не пришёл. И ночью тоже. Прошла ещё одна вечность ожидания, на этот раз отравленная новой, более изощрённой пыткой — неизвестностью. Он сказал «завтра». Это уже было завтра. Что, если он передумал? Что, если одна ночь удовлетворила его любопытство, и теперь он просто бросит меня здесь гнить, пока не решит судьбу моих шахт? Или, что было ещё страшнее, — что, если он придёт и потребует большего? А я, к своему ужасу, поняла, что жду. Не только со страхом. Но и с тем самым, порочным, стыдным любопытством.

Наступило утро. Я проснулась оттого, что в комнате кто-то есть. Сердце ёкнуло, но это была снова эльфийка-служанка. Она молча принесла свежую одежду — на этот раз просто длинную, струящуюся тунику без рукавов, из ткани, которая меняла цвет от серого к синему в зависимости от падения света. И книгу. Новую книгу.

Она положила её на стол рядом с завтраком и удалилась. Я подошла, осторожно, как к западне. Это был том человеческих законов и договоров. На самой первой странице, рядом с главой о дипломатическом иммунитете послов, чья-то рука на полях вывела изящным, острым почерком на эльфийском: «Интересная концепция. Жаль, неприменима к данному случаю».

Я отшатнулась, будто меня ударили. Он знал. Он знал, что я буду искать в книгах оправдание, защиту. И он предвосхитил это. Насмешка была тонкой, убийственной и... личной. Это было первое прямое обращение ко мне за прошедшие сутки, и оно пришло не из его уст, а с страницы книги. Он всё ещё держал меня в поле зрения, даже не появляясь.

Я сгребла книгу и швырнула её в угол. Она упала с глухим стуком. Я стояла, тяжело дыша, чувствуя, как слезы гнева и беспомощности подступают к глазам. Я была не просто узником. Я была участником какой-то извращённой игры, правила которой знал только он.

Внезапно я заметила на стуле у кровати то, чего там утром не было. Небольшой деревянный ларец, инкрустированный перламутром. Я подошла, сердце снова забилось тревожно. На крышке не было замка. Я открыла её.

Внутри, на чёрном бархате, лежало ожерелье. Не эльфийское, не изысканное и воздушное. Оно было человеческим, даже грубоватым — толстая серебряная цепь, на которой висел кулон в виде стилизованного ключа. Мой ключ. Семейная реликвия дома Даркель, которую я носила под одеждой всегда. Ту самую, которую сняли с меня в первую ночь вместе с платьем.

Рука дрожала, когда я взяла цепь. Металл был холодным. Он вернул её. Почему? Жест милосердия? Новая насмешка — вернуть символ дома, который ты уничтожаешь? Или... или это был знак? Признание того, что я — не полностью вещь? Что у меня есть прошлое, имя, которое он знает?

Я не надела ожерелье. Я зажала кулон в кулаке, чувствуя, как острые грани впиваются в ладонь. Боль была ясной, понятной. Она напоминала, кто я. Или кто я была.

Вечер второго дня опустился на долину. Я стояла у стены, уже одетая в эту дурацкую переливающуюся тунику, с кулоном, зажатым в руке. Я ждала. Не как «готовая» рабыня, а как загнанный зверь, ожидающий охотника.

Он пришёл с наступлением темноты. Но не через дверь спальни. Я услышала его шаги из купальни — он вошёл через какую-то потайную дверь, о которой я не знала. Выход. Мысль мелькнула и тут же погасла — если он пользовался им, значит, он мог контролировать его.

Он был одет для... чего-то. Тёмные, облегающие штаны, высокие сапоги, простая туника из тёмно-зелёной ткани, перехваченная широким поясом с простой пряжкой. Он выглядел так, будто собирался на охоту или на войну. Его волосы были туго стянуты у затылка, обнажая резкие черты лица. Он нёс в руках небольшой свёрток в ткани.

— Ты не поужинала вчера, — сказал он вместо приветствия, положив свёрток на стол. — И сегодня завтрак тронут лишь слегка.

— Я не голодна.

— Ты будешь, — отрезал он. — Садись.

Он развернул свёрток. Там была простая еда — хлеб, сыр, вяленое мясо, несколько фруктов. Человеческая еда. Не изысканная эльфийская снедь. Он отломил кусок хлеба, намазал его чем-то белым и протянул мне.

— Ешь.

Это был не приказ, а... что-то другое. Требование, лишённое прежней холодной жестокости. Я медленно взяла хлеб и откусила. Он наблюдал, как я жую. Потом взял себе, и мы ели молча. Это было невыносимо странно — сидеть с ним за столом, как... как ни в чём не бывало. После той ночи.

— Ты читала книгу, которую я прислал? — спросил он, отламывая кусок сыра.

— Да. Забавные заметки на полях.

— Правда? Я думал, они точны, — в его голосе прозвучала лёгкая, почти не уловимая усмешка. — Дипломатический иммунитет — это договорённость между равными. Мы не равны. Ни ты, ни твой отец, ни всё ваше королевство.

Хлеб застрял у меня в горле. Я отпила воды.

— Тогда что мы? Добыча? Игрушки, как вы изволили сказать?

— Пока что — интересный опыт, — он откинулся на спинку стула, изучая меня. Его взгляд упал на мою руку, всё ещё сжатую в кулак вокруг кулона. — Я вижу, ты нашла свой подарок.

— Это не подарок. Это моё.

— Всё в этих покоях — моё, — напомнил он мягко. — Но я позволил тебе иметь это. Надевай.

Я разжала пальцы. Цепь блеснула в свете светильников. Я медленно надела её. Холодный металл лег на шею, знакомый и чужой одновременно.

— Почему? — не выдержала я.

— Потому что ненависть, подогреваемая чувством утраты, — это ярость, слепая и бесполезная, — сказал он, и в его тоне прозвучала усталая мудрость, от которой стало ещё страшнее. — А холодная, осознанная ненависть... она может быть интересной. Она даёт остроту.

Он встал и подошёл к прозрачной стене, глядя в ночь.

— Ты думаешь о побеге каждый раз, когда смотришь вниз, — констатировал он. — Не думай. Даже если бы ты смогла спуститься, лес не пустил бы тебя. Он чувствует мою печать на тебе. Для него ты — часть моей собственности. Чужак, но помеченный.

Я слотнула. Даже природа здесь была против меня.

— Что будет... когда вам надоест? — спросила я тихо.

Он обернулся, и его золотые глаза в полумраке были нечитаемы.

— Тогда мы поговорим о твоих шахтах. Или не поговорим. Это будет зависеть от многих факторов. В том числе и от того, насколько «интересной» ты сумеешь остаться.

Он подошёл ко мне, и я невольно втянула голову в плечи. Но он лишь протянул руку и прикоснулся к кулону на моей груди, провёл пальцем по холодному металлу.

— Завтра, — сказал он, и в его голосе снова появились знакомые, властные нотки, — я вернусь поздно. После полуночи. Будь в купальне. В воде. Жди меня.

Он не стал ждать ответа. Развернулся и ушёл тем же путём, через купальню. Я осталась сидеть за столом с крошками хлеба на тарелке и с ключом дома Даркель на шее, который теперь казался не символом свободы, а ещё одним звеном в цепи. Он дал мне кроху — еду, намёк на диалог, мой собственный кулон. И этим привязал крепче, чем если бы продолжал бить и унижать. Он показал, что контроль — полный. Что он может давать и забирать. Что даже моя личность, моя ненависть — часть игры, которую он ведёт.

Я была узником не башни, а его воли. И самое страшное было в том, что я начала понимать правила. А понимание — это первый шаг к принятию. Или к безумию.

Глава 5: Искра в темноте

Полночь давно миновала. Я сидела в огромной мраморной купели, подогреваемая какой-то скрытой магией, и вода доходила мне до груди. Ароматные масла, добавленные в воду, пахли кедром и чем-то пряным, вызывающим мурашки на коже. Он сказал: «Будь в купальне. В воде. Жди меня». Я ждала. Каждая секунда тянулась как смола. Тело, помнящее боль и наслаждение первой ночи, было напряжено до дрожи. На мне не было ничего, кроме воды и цепочки с ключом, холодный металл которого касался кожи между грудями.

Я слышала, как открывается потайная дверь — лёгкий щелчок, которого я не заметила бы, если бы не ждала его. Шаги по мраморному полу. Неспешные, уверенные. Я не обернулась, уставившись на рябь на воде перед собой. Он остановился у края купели. Я видела его отражение в тёмной воде — высокое, смутное.

— Выходи, — сказал он. Голос был ровным, без приветствия.

Я замерла на секунду, затем медленно поднялась. Вода хлынула с тела потоками. Холодный воздух купальни обжёг влажную кожу, соски сразу же затвердели от холода и напряжения. Я повернулась к нему, стараясь не прикрываться руками.

Он был одет, как и днём — в тёмные охотничьи одежды. Но теперь он смотрел на меня иначе. Его взгляд, обычно такой аналитический, был тяжёлым, почти томным. Он скользнул по каплям воды, стекающим с моих плеч, по линии рёбер, по бёдрам, задерживаясь на тёмном треугольнике между ног. Дышалось тяжело.

— Подойди, — приказал он, но в его голосе была хрипотца.

Я сделала шаг из купели, вода с ног хлынула на пол. Он не отступал, и когда я оказалась в шаге от него, я почувствовала исходящее от него тепло, смешанное с запахом ночного леса и холодного металла.

Он протянул руку и прикоснулся кончиками пальцев к моей мокрой ключице. Прикосновение было лёгким, но всё моё тело вздрогнуло. Его пальцы пошли вниз, скользнули по мокрой коже между грудями, обвели контур одной груди, не касаясь соска, затем другой. Я замерла, чувствуя, как под его прикосновениями внутри всё замирает, а затем разгорается медленным, густым огнём.

— Ты приготовилась, — пробормотал он больше для себя, и его пальцы наконец коснулись соска, зажав его между большим и указательным. Острая, сладкая боль пронзила меня, и я вскрикнула. Он не останавливался, продолжая мять и перебирать нежную плоть, пока сосок не налился твёрдым, болезненно чувствительным бугорком. Ко второй груди он приложил рот, и горячая влажность его языка, контрастирующая с прохладным воздухом, заставила меня выгнуться с тихим стоном.

Он отпустил меня, и его руки опустились на мои бёдра. Сильные пальцы впились в плоть, и он притянул меня к себе так резко, что я вскрикнула, ударившись бёдрами о твёрдую ткань его штанов. Я почувствовала под ней его возбуждение — длинное, твёрдое, пугающе реальное. Он прижал меня ещё сильнее, и сквозь ткань я ощутила каждый дюйм. Живот сжался в тугую комок страха и желания.

— Ты помнишь условия? — прошептал он, его губы коснулись моего уха, дыхание было горячим и прерывистым.

— Да, — выдохнула я, голос прозвучал сипло.

— Пассивность — оскорбительна, — напомнил он, и одна из его рук отпустила моё бедро и схватила мою руку. Он приложил мою ладонь к своему поясу, к пряжке. — Сними.

Руки дрожали, но я повиновалась. Пальцы скользили по холодному металлу, с трудом находя застёжку. Пряжка открылась с глухим щелчком. Он не помогал мне. Я потянула за концы пояса, и он соскользнул. Затем мои пальцы нашли застёжку его штанов. Я отстегнула

её, и ткань ослабла. Он всё ещё держал меня прижатой к себе, и я чувствовала, как под моими ладонями его член пульсирует, рвётся на свободу.

— Дальше, — приказал он, и в его голосе уже слышалась нетерпеливая хрипота.

Я засунула пальцы за пояс его штанов и подплечников и медленно, с трудом, стянула их вниз по его бёдрам. Ткань упала на пол. Он стоял передо мной полностью обнажённый, и я не могла отвести глаз. Он был... великолепен. В свете тусклых светильников купальни его кожа отливала матовым золотом, каждые мускулы были вырезаны, как у статуи. А его возбуждение было пугающим и завораживающим — длинным, толстым, с натянутой кожей и крупной, тёмной головкой, на которой уже выступила прозрачная капля.

Он выхватил у меня из рук штаны и отшвырнул их в сторону. Затем обхватил меня за талию и в несколько шагов прижал к прохладной мраморной стене. Камень был холодным на спине, но его тело, прижатое к моему спереди, было обжигающе горячим.

— Руки на меня, — прошептал он, и я, повинувшись, обвила его шею. Он приподнял меня, и я автоматически обхватила его бёдра ногами, чувствуя, как его твёрдый член упирается мне в живот. Одна его рука поддерживала меня под ягодицей, другая опустилась между наших тел.

Его пальцы скользнули по моему животу, затем ниже, и дальше — к тому влажному, горячему месту, которое уже пульсировало в ожидании. Он провёл одним пальцем по щели, собрал влагу и застонал прямо мне в губы.

— Уже готова, — констатировал он с одобрением в голосе. — Даже без моих приказов.

Его палец вошёл внутрь, легко, без сопротивления. Я вскрикнула, впиваясь ногтями ему в плечи. Он двигал пальцем, растягивая, готовя, и я чувствовала, как всё внутри сжимается и плавится. Затем он добавил второй палец. Было тесно, почти больно, но и невыносимо приятно. Он нашёл внутри какую-то точку, и когда коснулся её, я взвыла, закинув голову назад, ударившись затылком о мрамор. Мир поплыл.

— Да... вот здесь... — прошептал он, и его губы обжгли мою шею, потом спустились к груди, снова захватив сосок в горячий, влажный рот. Он сосал, кусал, играл с ним, пока я не закричала, не в силах сдержаться. Его пальцы внутри меня ускорились, стали жёстче, глубже, и я почувствовала, как нарастает знакомое, страшное напряжение в самой глубине.

— Нет... подожди... я не... — пыталась я выговорить, но он заглушил меня поцелуем. Глубоким, властным, захватывающим. Его язык заполнил мой рот, и я отвечала ему с той же дикой, отчаянной страстью, забыв обо всём.

Он убрал пальцы, и я застонала от пустоты. Но он не заставил себя ждать. Он поменял хватку, держа меня теперь обеими руками под ягодицами, и направил себя к моему входу. Головка коснулась чувствительной плоти, и мы оба замерли на секунду.

— Смотри на меня, — приказал он хрипло.

Я открыла глаза, утопая в его золотом, пылающем взгляде. И тогда он вошёл.

Медленно. Невыносимо медленно. Дюйм за дюймом он заполнял меня, растягивая, входя так глубоко, как будто хотел проткнуть меня насквозь. Боль была, но она тонула в море интенсивного, всепоглощающего ощущения наполненности. Он был огромен. Казалось, он входил в меня бесконечно. Я плакала, слёзы текли по вискам, но я не могла оторвать от него глаз.

Когда он был внутри полностью, мы оба замерли, тяжело дыша. Я чувствовала каждую его пульсацию внутри себя. Он был горячим, твёрдым, живым.

— Всё, — выдохнул он хрипло, низко и густо, и в этом одном слове звучало торжество, дикое и безраздельное. — Всё целиком. Моё.

И он вошёл. Не просто вошёл, а заполнил, захватил, утвердил. Вначале — с мучительной, почти невыносимой медлительностью, вытягивая себя почти начисто, заставляя меня скулить от пустоты, а затем — одним долгим, властным скольжением, вонзаясь до самого дна, туда, где трепетал мой самый сокровенный нерв. Каждый толчок был глубоким, продуманным осквер-

нением, методичным и бескомпромиссным. Я чувствовала, как он упирается в шейку матки, и от этого в животе разливалась горячая, тягучая волна.

Его руки, схватившие меня за бёдра, не оставляли выбора. Пальцы впивались в плоть, оставляя следы, прижимая меня к холодной стене так, что мраморный рельеф отпечатывался на моей спине. Но боль от камня была призрачной, далёкой. Весь мир сузился до одной-единственной точки нашего соединения — жгучей, пульсирующей, переполненной им.

Затем он сменил угол. Отстранился на шаг, руки скользнули выше, обхватив талию, и притянул меня к себе уже в другом ритме — неглубоком, но частом, жёстком, почти яростном. Каждый короткий, отрывистый толчок бил точно по чувствительному бугорку, и я закинула голову с воплем, который рвался из горла сам собой.

— Смотри на меня, — приказал он глухо, и я, захлёбываясь, открыла глаза. Его взгляд был тёмным, сосредоточенным, он наблюдал за каждым моим спазмом. Одной рукой он продолжал держать меня, а другой опустил между наших тел, и большой палец нашёл мой клитор, надавил, начал делать жёсткие, крошечные круги.

Это было слишком. Ощущения взорвались, смешавшись в ослепляющий вихрь, где не было ничего, кроме этого движения, этого трения, этой всепоглощающей полноты. Я кричала, не стесняясь, моля и проклиная его шёпотом, который срывался на визг. Внутри всё сжималось, пульсировало, готовое сорваться в обрыв.

Он почувствовал это раньше, чем я сама это осознала.

— Ты... ты кончаешь... — прошипел он у самого моего уха, и это было не вопросом, а констатацией, приговором, в котором звучала его собственная натянутая до предела узда. Его пальцы впелись ещё сильнее, ритм стал хаотичным, глубоким, сбитым. Он чувствовал, как мои внутренние мышцы начали судорожно сжиматься вокруг него, волна за волной. — Да... сейчас... Кончай. Вместе.

Оргазм накрыл меня с такой силой, что мир почернел. Это было не излияние, а взрыв. Всё моё тело выгнулось в дугу, из горла вырвался нечеловеческий, хриплый крик. Внутри всё сжалось в серии бесконечных, ослепительных спазмов, и я чувствовала, как по внутренней стороне бёдер потекла горячая струя — я кончила так сильно, что потеряла контроль.

Он продержался ещё несколько глубоких, мощных толчков, пока я билась в конвульсиях на его члене, а затем он издал низкий, животный рык и вогнал себя в меня в последний раз, замирая. Горячая волна его семени заполнила меня, и я почувствовала, как она вытекает по его стволу, смешиваясь с моими соками.

Он стоял, прижимая меня к стене, оба тяжело дыша. Его член всё ещё был внутри меня, постепенно смягчаясь. Пот стекал с его висков на мои плечи. Он опустил голову мне на грудь, и его дыхание обжигало кожу.

Мы стояли так, может, минуту. Потом он медленно, осторожно вынул себя из меня. Я застонала от пустоты и боли. Он опустил меня на ноги, но я не устояла, колени подкосились. Он поймал меня, не дав упасть, и почти на руках отнёс обратно в купель. Тёплая вода обняла моё разбитое тело.

Он залез в воду следом за мной и притянул меня к себе спиной к груди. Его руки обвили меня вокруг талии, и он просто держал, пока я дрожала мелкой дрожью в послеклиматической истерике. Его подбородок уткнулся мне в макушку.

— Всё, — снова сказал он, но на этот раз его голос был тихим, почти... успокаивающим. — Всё прошло. Ты справилась.

Я не могла говорить. Я была пуста. Разорвана. Исполнена. Он мыл меня молча, его большие, сильные руки с неожиданной нежностью смывали с моей кожи пот, семя, следы нашей дикой схватки. Он промыл меня между ног, и я не сопротивлялась, позволив ему это. Потом он вытащил меня из воды, завернул в огромное, мягкое полотенце и отнёс на кровать.

Он уложил меня, сам лёг рядом, на спину, и потушил светильник мановением руки. В темноте я чувствовала тепло его тела, слышала его ровное дыхание. Он не ушёл.

— Почему? — прошептала я в темноту, голос был разбитым.

— Почему что?

— Почему ты... почему так? Не как в первый раз.

Он помолчал.

— Потому что в первый раз я брал то, что мне причиталось по сделке, — наконец сказал он. — Сегодня... сегодня я хотел тебя. Не тело. Тебя. Твою реакцию. Твой крик. Твою потерю контроля.

Он повернулся на бок, и в темноте я увидела слабое свечение его глаз.

— И я получил это. Ты не просто терпела. Ты горела.

Он протянул руку и провёл пальцами по моей щеке, смахивая остатки слёз.

— Спи, Алерия.

И к моему собственному изумлению, под тяжестью истощения, под странным успокоением после бури, я заснула. В последний момент перед тем, как погрузиться в сон, я почувствовала, как его губы коснулись моего плеча в лёгком, почти неосознанном поцелуе. И в этом прикосновении не было ни собственности, ни власти.

Была искра.

Глава 6.1: Враги при дворе

Солнце будило меня настойчиво. Я потянулась и почувствовала знакомую, сладкую ломоту во всём теле. Прошлой ночью не было боли, только глубоко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.